

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВИЛЕНА СЕРГЕЕВИЧА ГОРСКОГО

Владимир Янцен

*Мы убиваем себя тщеславием и реальную,
простую, добрую жизнь заменяем призраками.*

о. Александр Ельчанинов

Закончил свой земной путь Вилен Сергеевич Горский... Известие об этом из Киева больно резануло мыслью — не стало еще одного замечательно умного и доброго человека из поколения отцов. Вилен Сергеевич относился к тем немногим людям в моей жизни, разговор с которыми никогда не завершался и не завершается. Даже прерываясь на годы, он всегда продолжался так, словно был прерван только вчера. Странные, необычные отношения у таких людей со временем: оно, кажется, для них просто не существует. И до сих пор не верится, что с рокового майского дня уже нет и никогда больше не будет возможности передать привет, позвонить, написать Вилену Сергеевичу, заехать в гости, услышать новости, обменяться мнениями, поделиться наболевшим, поспорить на самые разнообразные житейские и философские темы.

Предложение написать личные заметки о Вилене Сергеевиче я воспринял довольно скептически. Действительно: что нового могу рассказать я, встречавшийся с ним не более 10–15 раз в жизни и давно отошедший от профессиональных занятий философией, родным и коллегам, жившим, работавшим и общавшимся с ним ежедневно в течение многих десятилетий? Да и нет ведь еще той временной дистанции, благодаря

которой понимается действительное значение человека, а память стерла все детали реальных событий, сохранив лишь какие-то удобные и приятные для меня логические линии и воспоминания из прошлого. Но в момент этих оправданных сомнений вспомнились две простые вещи: что «самостоянье человека» напрямую связано с отношением к прошлому и что кратчайший путь к пониманию смысла собственной жизни ведет через память о тех, кто нам действительно был близок и дорог.

Познакомились мы 18 июня 1986 г. в Ленинграде на защите моей кандидатской диссертации, посвященной философской герменевтике Х.-Г. Гадамера. Вилен Сергеевич был одним из оппонентов и, помнится, приехал не из Киева, а, кажется, из Крыма, где как раз проводил с семьей свой летний отпуск. Вероятно, была между нами какая-то переписка о диссертации и раньше, но личное знакомство произошло именно на защите. Инициатива приглашения Горского в качестве оппонента принадлежала моему научному руководителю, Михаилу Антоновичу Кисселю, хорошо Вилена Сергеевича и его работы по методологии историко-философского истолкования знавшему и считавшему, что мнение о диссертации такого специалиста, как он, было бы на защите очень важно.

Сама защита прошла сравнительно легко: живя и работая в ГДР, кандидатский минимум я сдал на общих основаниях, тема диссертации была тогда еще малоисследованной, а некоторым членам ученого совета и вообще неизвестной, писалась она по немецким источникам, мнения руководителя и оппонентов были доброжелательно-положительными; так что после успешной защиты вечер мы провели вместе в тесном кругу моих приятелей и недавних оппонентов, иг-

норируя строгий запрет на послезащитные банкеты «в свете перестроечной антиалкогольной политики». Мой научный руководитель на защиту приехать не смог, и руководство вечером как-то само собой перешло к Вилену Сергеевичу, а он с ролью тамады отлично справился, буквально очаровав всех нас своим украинским акцентом, неисчерпаемым юмором, светскими манерами и открытостью в общении. Удалось тогда поговорить с ним и на серьезные темы. Несмотря на то, что основной областью научных занятий Вилен Сергеевича всегда была история философии, в нем очень силен был и теоретический дар, как это, впрочем, и должно быть при занятиях историей. Проблема соотношения истории философии и часто рассматриваемых как *quantité négligeable* биографий философов – это не только проблема соотношения истории и биографий, но еще и проблема их взаимного отношения к теоретической философии. То есть здесь имеет место не «дуэт», а «трио»: философская систематика – биография – история философии. Без каких-то общих идей, исходящих из систематики, не было бы общей путеводной нити, не было бы вопросов, ответы на которые следует искать в истории философии и в биографиях философов. А последние без систематики являются лишь нагромождением сырого материала. Непродуманный с точки зрения философской теории, этот материал бесполезен, бесплоден, никуда дальше не ведет, никого не обогащает, и все наше «теоретизирование» в лучшем случае сводится к простой каталогизации мысли в стиле биографических статей. В идеале же личностная и историческая конкретика должны вести к обогащению философской теории. Проблемы методологии гуманитарного знания интересовали и меня, и,

вероятно, не случайно Вилен Сергеевич в первый же вечер подарил мне свою книгу «Историко-философское истолкование текста» (1981), написав ее кратким посвящением: «Владимиру Владимировичу Янцену с пожеланием успехов на ниве герменевтики. 18.06.1986 г. Ленинград, В. Горский». Книга эта мне была хорошо знакома еще при подготовке диссертации, но иметь ее экземпляр с дарственной надписью автора было вдвойне приятно. До сих пор с большой благодарностью вспоминаю эту нашу встречу, его приезд на защиту из отпуска, свидетельствовавший не только о серьезном, но и о *личном* отношении ко мне и моей первой научной работе. Выразилось это и в такой, казалось бы, мелочи, что в общении со мной он почти сразу перешел на «ты».

С этого времени мы начали переписываться, обмениваясь информацией о философских событиях в Германии и СССР, о творческих планах. Вилен Сергеевич писал об «активизации жизни философской» на Украине, о том, что «погрузился в древность – исследование философских идей в культуре Киевской Руси» (март 1988), регулярно присылал мне, непременно при этом учитывая мои интересы, оттиски своих статей и вышедшие с его участием сборники, в том числе такие статьи, как «Контекстуальный анализ в историко-философском истолковании» (1980), «Об одном из источников историко-философского изучения древнерусской культуры» (1988) и сборник «Методологический анализ историко-философского знания» (1984), пятая глава которого «Истолкование в историко-философском исследовании» была написана им. Какие-то бывшие тогда еще большим дефицитом произведения Пастернака, Цветаевой, Ахматовой, помнится, посылал ему с различными okazиями

и я, поскольку в одном из первых недатированных его писем имеется фраза: «Еще раз признателен за переданные тобою издания», а в декабрьском письме 1990 г. он благодарит за Пастернака, добавляя: «Ты всегда очень тонко чувствуешь мои пристрастия и читательские интересы. Вот и на этот раз – книга оказалась очень своевременным и желанным даром» (11.12.1990). Посылал я и свои работы, но, в общем, мои возможности публиковаться в Германии были не блестящи, и Вилен Сергеевич в одном из писем напоминает: «Приглашение выступить со статьей в нашем журнале для тебя остается в силе. Если такое желание есть, сообщи возможные темы твоих публикаций – я тогда поведу конкретный разговор в журнале и сразу же сообщу о результатах» (15.VII.1988). Вероятно, уже тогда я предложил опубликовать в киевской «Философской и социологической мысли» переводы статей Гадамера «Что есть истина?» и «Истина в науках о духе» – в моем письменном столе тогда накопилось довольно много черновых переводов работ Гадамера, в том числе и русский перевод его главного труда «Истина и метод». Но времена для таких публикаций на Украине еще не пришли, и только через несколько лет в журнале «Философская и социологическая мысль» вышел перевод одной из этих статей, но, к сожалению, не мой, а какого-то украинского коллеги (что, впрочем, вполне понятно, так как журнал выходил прежде всего на украинском языке, которым я тогда не владел). Во всяком случае, этому коллеге будет приятно узнать, что номер журнала с его переводом был передан мной в 1998 г. при личной встрече Гадамеру как свидетельство внимания к его творчеству на Украине.

До 1988 г. мои исследовательские интересы концентрировались на эстетике, истории западноевропейской философии и русском марксизме, который в 1981–1989 гг. преподавал в университете г. Галле в рамках курса так называемого «ленинского этапа», бывшего до конца 1980-х гг. обязательным в системе высшего образования всех соцстран. Для студентов всех факультетов я несколько раз читал общий курс истории философии. Но огромная беда именно курса истории марксистско-ленинской философии состояла в том, что во всех его программах *теория* марксизма совершенно вытеснила *историю*. Курс истории марксистско-ленинской философии по сути дела повторял то же самое, что студенты уже слышали в курсах диалектического и исторического материализма, поэтому наталкивался на их оправданный скепсис. Ни история возникновения, ни история воздействия философских произведений, ни мемуары, ни переписка, ни сочинения соратников Маркса, Энгельса и Ленина, не говоря уже о работах их идейных противников, согласно программе не изучались. Биографический жанр здесь как бы вообще не существовал, если не считать скучнейших «монументальных» партийных изданий, в которых речь шла уже, собственно, не о живых людях, а о строго цензурированных «памятниках классикам». Необходимо также учитывать, что в этой области в высших школах ГДР еще господствовали схемы и представления печальной памяти сталинского курса «Истории ВКП (б)» 1937 года. Но «лед тронулся» и здесь: насколько быстро происходила в Восточной Германии смена отношения к «позднебуржуазной философии», можно судить хотя бы по такому факту, что, выбирая тему своей кандидатской диссертации в рамках заочной

ленинградской аспирантуры в 1984 г., я должен был вполне серьезно отчитаться перед директором нашего Института философии за то, что, будучи преподавателем «ленинского этапа», собираюсь заниматься современной «буржуазной философией», а в конце того же десятилетия, накануне падения ГДР, в том же институте были проведены конференции, посвященные чествованию юбилеев К. Ясперса и М. Хайдеггера, обычными в Галле стали приезды и доклады Ю. Хабермаса, других западногерманских философов. Большая ирония истории заключается и в том, что многим из прежних искренних ниспровергателей «буржуазной философии» – в том числе и автору этих строк – впоследствии пришлось самим стать предпринимателями, а личная судьба директора нашего института, профессора Х.-М. Герлаха, привела его через испытания безработицей к профессуре в западногерманском университете, где он прекрасно зарабатывает на жизнь интерпретациями наследия Мартина Хайдеггера.

Ни Вилен Сергеевич, ни я не были в 1988 г. оппозиционерами или политическими радикалами; выросли мы на марксистской методологии, но не считали ее догмой и не пытались видеть в ней последнее слово философской мысли. Я носился тогда с планами опубликования на немецком языке сборника методологических работ по истории зарубежной философии советских философов М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьева, В. С. Швырева, П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдова, А. В. Гулыги, М. А. Киссея, предполагая включить в него и какую-нибудь теоретическую статью В. С. Горского. Поэтому в мартовском своем письме, осведомившись, как у меня идет работа, и выразив уверенность, что «кандидатская для тебя – не пре-

дел», он задает вопрос: «Как реализуется твой проект издания сборника советских историков философии?» (март 1988). Но реализовать наш проект не удалось, потому что из приглашенных в следующем году на наши конференции памяти К. Ясперса и М. Хайдеггера никто из советских философов (в том числе и Виллен Сергеевич) приехать не смог, да и исторические события начали развиваться в таком темпе, что идея сборника отпала сама собой. Никто из нас и в самых смелых фантазиях не мог тогда себе представить, что всего через два года произойдет объединение Германии, а еще через год перестанет существовать «Союз нерушимый», откроется дорога к действительно независимому развитию его бывших республик, станет возможным свободное общение с интеллектуальной элитой Запада, ключевым событием которого в жизни Вилена Сергеевича, вероятно, была личная встреча с Папой Иоанном Павлом II, в моей – многолетнее общение с Хансом-Георгом Гадамером. Не знали мы, и какой ценой за все это придется заплатить. Судьбы людей – величайшие тайны, понять которые можно только ретроспективно, внимательно проследив основные линии, мысли и заветные желания их жизни.

Такое отступление было необходимо, чтобы не переживший всего этого современный читатель получил хотя бы общее представление о том, какие поистине эпохальные сдвиги происходили тогда в мире и в нашем сознании. Только в этом контексте можно понять нижеследующие цитаты из писем Вилена Сергеевича, которые при сопоставлении их с его более поздними работами и мыслями могли бы показаться «ретроградными». На такие упреки мне хотелось бы заранее ответить словами песни замечательного поэта Ильи Кормильцева: «Видишь, там, на горе, // Возвышает-

ся крест? // Под ним – десяток солдат, // Повиси-ка на нем! // А когда надоест – // Возвращайся назад» и т. д. Конец 1988 г. был связан для меня с обращением к русской философии и неожиданным открытием в Галле части библиотеки и личного архива украинско-русского философа и слависта Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977). Кто это такой, я тогда не знал. Но находившаяся в статусе «спецхрана» в распоряжении галльского Института славистики личная библиотека этого ученого сразу поразила меня и своим тематическим разнообразием (ее каталог, изданный славистами в 2003 г., даже без перечня периодики насчитывает 38 общих рубрик!), и хронологическими рамками собрания (XVII–XX вв.). Довольно обширной была в ней подборка запрещенной эмигрантской литературы, не говоря уже о том, что на многочисленных изданиях известнейших деятелей русской и украинской эмиграции были их автографы и посвящения Д. И. Чижевскому. Об этой находке и неожиданно открывшейся возможности заняться в Галле отечественной философией я сообщил Горскому. В ответ получил сразу два письма: одно от Валерии Михайловны Ничик с просьбой сообщить, нет ли в библиотеке Чижевского материалов, «касающихся XVI–XVIII веков истории культуры на Украине», второе, более детальное и сопровождавшееся посылкой новой книги «Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начала XII в.» (1988), – от Вилена Сергеевича. По-моему, это письмо замечательно характеризует состояние чижевсковедения на Украине в 1988 г.:

«Дорогой Володя! <...> Меня и моих коллег очень заинтересовало твое сообщение о библиотеке и архиве Дм. Чижевского. Мы его, конечно же, знаем. Но, к

сожалению, возможности позитивного исследования его трудов у нас на Украине до последнего времени были крайне ограничены. Дело в том, что его труды по истории украинской философии (речь идет прежде всего об опубликованных им в Праге “Нарисах (рус. – очерках) історії філософії України” и интересном исследовании о Григории Сковороде) были скомпроментированы современными украинскими националистами, живущими и работающими в ФРГ, США и др., которые однозначно опираются в своих публикациях на авторитет Чижевского и его концепцию истории украинской философии. Я, к сожалению, не знаю фактов его биографии (в том числе и киевского периода), но, быть может, какое-то сотрудничество с украинскими националистическими организациями, в том числе и теми, что существовали в фашистской Германии, было. Быть может, это объясняет, почему он уцелел в то время. Сказанное, конечно же, не исключает того, что это весьма крупный ученый-славист, и у меня прямо-таки руки чешутся, – так хочется посмотреть этот архив. Если имеешь возможность, напиши – есть ли у него материалы по древнерусской культуре? Он этим вопросом тоже занимался. – Что сказать тебе по поводу сомнений относительно дальнейшего направления твоих исследований? Решать, конечно же, тебе. Но мне кажется, что поворот к русской философии не только принесет тебе много интересных открытий, но и даст возможность, так сказать, на практике применить методологический багаж герменевтики, – а это тоже весьма интересно не только с точки зрения постижения русской философии, ее существа и специфики, но позволяет уточнить некоторые герменевтические идеи применительно к проблемам историко-фило-

софского истолкования» (15.VII.88). Перечитывая это письмо, понимаю, почему в первой моей статье, посвященной Чижевскому, столько внимания было уделено опровержению подозрений его в сотрудничестве с нацистами.

Конец 1988 г. и весь 1989 г. ушел на обсуждение перспектив приезда Вилена Сергеевича в Германию. Дело в том, что у киевлян наладился контакт с берлинским Институтом философии, представители которого побывали в 1988 г. в Киеве, и Вилен Сергеевич предполагал в апреле 1989 г. съездить к ним «с ответным визитом», а заодно посетить и Галле: «...хочу подъехать к тебе и не только с тем, чтоб повидаться, но и с чисто деловой целью. У нас проявился большой интерес к архиву Д. Чижевского. Хотелось бы с тобой посмотреть, что там есть, и, если возможно, подготовить публикацию в наш журнал (как минимум). Идеально было бы, если бы ты смог сделать соответствующий материал, который бы был у нас напечатан» (21.12.88). Вторым предложением было участвовать в совместном киево-берлинском сборнике «В. И. Ленин и актуальные проблемы философской науки» статьей методологического характера (сборник этот вышел в 1991 г. под названием «История философии и культура»; введение к нему и § 2 первого раздела «Культурологический аспект историко-философского исследования» были написаны Виленом Сергеевичем, а § 3 «О значении понятия “полемический контекст” в истории философии» – мною; приняли участие в сборнике и мои немецкие коллеги, проф. Х.-М. Герлах и проф. Р. Моцек, написавшие совместную статью в разделе II, § 3 «Рациональность и гуманность: методологические размышления по поводу историко-философ-

ских аспектов»). В апреле Вилен Сергеевич сообщил: «К сожалению, на вашей конференции [посвященной 20-летию со дня смерти К. Ясперса. – В. Я.] побывать не смог, т. к. мой проезд с моей коллегой В. М. Ничик, очевидно, состоится в самом конце мая или начале июня. <...> Мы обязательно хотим приехать в Галле и посмотреть фонды Чижевского» (21.04.89). Но приехать Вилен Сергеевич смог только в сентябре. Я заранее сообщил директору Института славистики проф. Х. Шмидту о визите известного украинского ученого и его желании ознакомиться с фондами Чижевского. Встреча была назначена, но, к моему крайнему изумлению, только уже на самой встрече принявший нас директор института заявил, что по каким-то техническим причинам даже самый поверхностный осмотр библиотеки и архива Чижевского невозможен. Откуда пришла команда «Не пущать!», мне и по сей день неясно, но так Вилен Сергеевич на собственном опыте убедился, что «спецхрановское» отношение славистов к фондам Чижевского все еще оставалось в силе и что именно в таких условиях мне потом пришлось начинать работу с этим архивом. Остаток дня мы провели вместе, он с воодушевлением рассказывал об оживлении философской жизни в СССР, мы подробно обсудили план дальнейших совместных действий в связи с архивом Чижевского в Галле (там, между прочим, рукой В. С. написано – «2. разведка боем:», а дальше идет приписка моей рукой – «что есть в архиве; украинцы в Галле 17 и следующих вв.»). На прощание он подарил мне шестой номер журнала «Философская и социологическая мысль» со своей статьей «Образ мира в Софии Киевской», надписав его: «Владимиру Янцену с наилуч-

шими пожеланиями и надеждой на сотрудничество. В. Горский. Halle, 20.IX.89 г.». Так в моей памяти сохранилась точная дата нашей второй встречи.

Через два месяца Вилен Сергеевич побывал в Болгарии и писал, что перед отъездом просил выслать мне служебное приглашение в Киев на март следующего года. «Твоим славистам выслал обещанные книги. Не знаю, получили ли они их. Кстати, не исключено, что у нас в Киеве будет возможность издать перевод Гадамера – не только в журнале, но и отдельный том. Подумай об этом и будь готов к разговору на эту тему во время твоего пребывания в Киеве (естественно, если это представляет для тебя интерес). У нас еще к тебе просьба – выслать библиографию работ Чижевского, которая имеется в вашей библиотеке. С интересом следим за событиями, происходящими у вас. Надеюсь, что дышать стало легче» (29.11.89). Последнее замечание относится к открытию 9 ноября внутригерманской границы и началу сноса Берлинской стены. В новогодней открытке Вилен Сергеевич спрашивал: «Сообщи, получил ли ты наше приглашение? Надеюсь на встречу в новом году в Киеве. Передавай мой привет вашим симпатичным славистам» (23.12.89). Явно иронизируя, он не проявлял злопамятности, хотел помочь мне наладить с галльскими славистами плодотворное сотрудничество: по его просьбе, редакция журнала «Философская и социологическая мысль» выслала в Институт славистики комплект журнала за 1989 год. Летом следующего года он сообщил, что был в Минске на международной конференции, посвященной Дням славянской письменности: «Кстати, интерес к русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. растет. <...> Твои материалы редакция получи-

ла. Они готовятся к печати. Правда, ты ведь знаешь темпы наших издателей. Что касается дел наших кооперативных публикаторов, прилагаю письмо Сергея, в котором он излагает существо ситуации. С завистью читал о твоих планах на грядущее – от души желаю их успешной реализации» (8.06.90). Судя по полученному одновременно письму Сергея Пролеева, «планы на грядущее» состояли в переводе работ Гадамера, поездке в Западный Берлин на первую общегерманскую конференцию славистов и в Гейдельберг для ознакомления со вторым архивом Чижевского и, по возможности, встрече с Гадамером. Сергей просил меня в случае, если эта встреча состоится, выяснить у Гадамера юридические вопросы, связанные с переводом его трудов на Украине. 1 июля 1990 г. произошел переход управления экономикой, денежным обращением, социальной политикой Восточной Германии к правительству Западной Германии, а в связи с этим обмен восточной марки на западную, и уже можно было строить планы подобных поездок. Через несколько дней я получил письмо от Горского: «С интересом, сочувствием и не без тревоги слежу за событиями, у вас происходящими. Понимаю, что философам в этой ситуации нелегко. Но думаю, что для тебя, особенно учитывая круг твоих интересов, ситуация далеко не тупиковая» (20.07.90). Она и не была тупиковой: надо было просто, не теряя себя, в чужой стране выжить. Приблизительно те же проблемы волновали и Вилена Сергеевича: «Извини за задержку с ответом. Закрутился на всевозможных конференциях – I конгресс Международной Ассоциации Украинистов, “Драгомановские чтения”, конференция в Болгарии по Кирилло-Мефодиевской традиции и, наконец, наша традиционная конферен-

ция по отечественной средневековой философской мысли – это все на два месяца. Но, в общем, интересно жить (хотя и трудновато)» (20.09.90).

После объединения Германии 3 октября 1990 г. наступили последние месяцы существования нашего института. Сотрудники института, конечно, надеялись на сохранение значительной его части и на следовавших одно за другим общих собраниях обсуждали новые учебные планы, в которых диамат и истмат предполагалось заменить курсами метафизики и введения в теоретическую философию. Неизменными оставались, пожалуй, только курсы логики, эстетики и истории науки. В целом же преобладали различные историко-философские курсы. Я предложил три новых лекции: историю русского марксизма, историческое введение в философскую герменевтику и историю русской философии. Подготовить в Галле полноценный курс истории русской философии без использования библиотеки Чижевского было бы просто невозможно. С большим трудом, но какие-то издания (например, первое издание «Очерка развития русской философии» Г. Г. Шпета с дарственной надписью автора, а также книгу Шпета о Герцене) мне ненадолго удавалось получить от славистов. Поскольку этот курс предлагался для слушателей всех факультетов, в него был включен разбор философского творчества Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Но уже с начала 1991 г. выяснилось, что чтение этих курсов не было обязательным, а зависело от количества записавшихся на них слушателей. Началась реорганизация университета, и с 1 января по 30 июня 1991 г. все сотрудники Института философии оказались в так называемой «очереди ожидания»: нам выплачивалась зарплата в размере 70 %

последнего оклада, но до решения министерства образования о нашей дальнейшей судьбе мы не были обязаны заниматься педагогической деятельностью, а могли просто сидеть дома, ожидая своей участи. Многие так и сделали. Мне же интересно было получить опыт преподавания в новой Германии. Тем более, что предлагавшиеся мной курсы нигде в Германии в тот момент больше не читались. Несмотря на неизбежный в таких переходных ситуациях организационный разброд, краткие курсы введения в философскую герменевтику и истории русской философии все же удалось прочесть для студентов всех факультетов. Одновременно с участием студентов и представителей различных политических организаций проводились персональные комиссии, выяснявшие возможность дальнейшей работы философов-марксистов в университете. Эту проверку я прошел без каких-либо осложнений благодаря участвовавшим в ней бывшим моим студентам – историкам и богословам. Забегая вперед, скажу, что мне удалось остаться в Галльском университете до сентября 1992 г., но последний год работы в нем я занимался не преподаванием, а освоением личного архива Д. И. Чижевского. Состоявшаяся в конце 1990 г. поездка в Гейдельберг была моей первой поездкой в Западную Германию, во время которой удалось побывать в библиотеке Гейдельбергского университета, где вторая часть архива Чижевского находилась как раз на каталогизации, встретиться со славистами и в телефонном разговоре с Гадамером узнать о его многолетней дружбе с Чижевским. Юридические вопросы я задал ему в письменной форме и 8 октября 1990 г. получил принципиальное согласие на перевод и издание его работ на Украине, заявление об отказе от гонорара за это из-

дание и предоставление переводчику свободы выбора его работ. Всю эту информацию я сообщил Вилену Сергеевичу и С. Пролееву, но судьба этого проекта (помимо уже упоминавшегося украинского перевода статьи «Что есть истина?») мне неизвестна. Переслав русский перевод двух статей Гадамера в редакцию журнала «Философская и социологическая мысль», я в его реализации принять участия не смог.

Сразу после объединения Германии пришло письмо от Вилены Сергеевича: «Как у тебя складывается судьба в объединенной Германии? Недавно получил письмо от философов-марксистов из берлинского Института философии. Они готовят себя к участи безработных без видимых перспектив. Надеюсь, что у тебя ситуация будет более оптимистической» (30.11.90). В том же письме он сообщал, что в Институте философии украинской Академии наук принято решение об издании трехтомника философских работ Д. И. Чижевского и предлагал принять участие в этом издании: «Третий том должен включать его отдельные статьи. Ты пишешь, что добрался до его переписки. Если бы можно было сделать подборку его писем (при условии, чтоб они содержали изложение каких-либо философских, историко-философских идей), то это украсило бы издание» (там же). Это же предложение повторяется и в следующем письме: «Надеюсь (невзирая на твое незнание украинского языка) на твое соучастие в подготовке трехтомника Д. Чижевского. Очевидно, придется кому-либо из наших сотрудников осуществить перевод, а твое участие будет отмечено как составитель тома – с указанием текстов, тобою представленных, и, если захочешь, автор комментария. <...> Было бы здорово, если б ты смог ксерокопировать обнаруженные тобою тексты, кото-

рые ты рекомендуешь для тома, и привезти с собой» (11.12.90). Не менее интересно в этом письме описание общей атмосферы, в которой Вилену Сергеевичу приходилось жить и работать: «Ты интересуешься, не мешает ли политическая ситуация занятиям философией. В общем-то, пожалуй, грех сегодня жаловаться – возможности для исследования и публикации работ по философии, а особенно по истории отечественной философии, самые широкие. Тем не менее, не сказал бы, что все – идеально. Общий тонус политической жизни отмечен столь низким уровнем культуры, что все это раздражает и, к сожалению, не создает благоприятный социально-психологический климат для занятия наукой. История философии – для меня скорее отдушина, куда убегаешь от пакостей окружающей жизни. Вот такие дела... – Журнал «Философская и социологическая мысль» с твоей публикацией еще не вышел, хотя должен был появиться давным-давно. Общая неразбериха и здесь дает о себе знать. Покамест подписчики получили лишь 4-й (апрельский!) номер. Но повода для волнения нет. Нужно просто запастись терпением и ждать, когда полиграфисты рассчитаются со своими долгами. Во всяком случае, уверен, что в марте месяце, к твоему приезду, ты сможешь получить авторский экземпляр журнала» (там же). Речь здесь идет о моей статье «К истории поступления и преподавания Дмитрия Чижевского в Объединенном университете городов Галле и Виттенберга», вышедшей в ноябрьском номере «Философской и социологической мысли» за 1990 г. и, насколько мне известно, бывшей одной из первых биографических статей о Чижевском, изданных на Украине. В качестве второго приложения к этой статье должен был выйти перечень

всех лекционных и семинарских курсов, прочитанных Чижевским в Галле, кстати, даже упоминаемый в прим. 4 на стр. 52, но по каким-то неизвестным мне причинам редакцией журнала опущенный.

В этом месте память несколько изменяет мне: не могу точно вспомнить, в какие годы ездил в Киев в командировки. Связано это с тем, что с 1991 по 1993 г. я буквально на минутку ежегодно забегал к Вилену Сергеевичу под Новый год, бывая в Киеве проездом из Германии в Россию. Но эти встречи были слишком мимолетными и никакого отношения к нашим совместным проектам не имели. Возможно, такая первая служебная поездка состоялась летом 1990 года. Во время этой поездки Вилен Сергеевич познакомил меня со многими сотрудниками Института философии: помню встречу с В. Лисовым, С. Пролеевым и, кажется, с замдиректора института М. В. Поповичем, радушно принявшим, но и поразившим меня своим рассказом, как во время войны какой-то немецкий солдат угостил его плиткой шоколада и как эта история запомнилась ему, тогда ребенку, на всю жизнь. Рассказана она была мне, вероятно, из-за моей немецкой фамилии и постоянного жительства в Германии. Но поскольку у меня имеются и русские корни, а также погибшие в Отечественную войну родственники, особо сентиментальных чувств она у меня не вызвала. Слава Богу, что были и такие немецкие солдаты, но лучше бы они все-таки сидели дома и не лезли со своими войнами в чужие страны!

Следующей поездке предшествовало несколько интересных писем Вилена Сергеевича, в которых деловой тон перемежается с юмором: «Рад был получить от тебя письмо после длительного молчания. Отрадно, что ты успешно вошел в систему рыночных отношений.

У нас этот процесс по понятным причинам совершается значительно медленнее и намного мучительнее. Все мы, естественно, в той или иной мере затронуты им. Но, невзирая на многочисленные трудности, отрадно, что для работы перспективы открылись достаточно широкие. Хватило бы сил реализовать возможности! – Сочинения Д. Чижевского мы готовим к изданию. Объем их разросся уже до 4-х томов. К их публикации подключился Институт украинских исследований Гарвардского университета. Поэтому весь материал, который ты собрал и обнаружил в архиве, для нас чрезвычайно важен и интересен. Думаю, что реализация твоего участия в проекте может быть двойкой. Во-первых, мы с удовольствием опубликуем в журнале твою статью и перевод наиболее ценных рецензий Д. Чижевского. Во-вторых, нам желательно включить в издание сочинений все, что ты обнаружил, если эти работы имеют историко-философский интерес. Поскольку сочинения будут изданы на украинском языке, то перевод их с немецкого мы осуществим сами, отметив при этом твое участие в подготовке их к публикации. – И, наконец, еще одно предложение. Мы приступили к формированию большого сборника (условное название: “Украинская духовность между Востоком и Западом”). В нем примут участие наши и зарубежные ученые. Мы с удовольствием включили бы туда статью о деятельности Д. Чижевского во время его пребывания в Галле по исследованию взаимосвязей украинской культуры с западноевропейской, прежде всего, немецкой философией. Если ты готов, мы ждем текст статьи (объем – до 20 стр. маш.) к маю 1992 г. – Теперь о прочем. – Уже опубликован твой материал в журнале (экземпляры журнала тебе были высланы). Вышел

в свет и сборник “История философии и культура”, где помещена твоя статья и твоих коллег, которую ты нам передал (это тот сборник, который мыслился в качестве Ленинского)» (12.X.91). «Рад был получить от тебя письмо, которое свидетельствует о твоём желании продолжать сотрудничество с нами. Твою статью в готовящийся сборник можешь прислать в конце мая. К сожалению, всеобщий хаос, которым отмечено наше бытие сейчас, отразился и на издательских возможностях. Сборник будет издан безусловно. Но сроки его публикации несколько передвинутся из-за необходимости поиска средств, обеспечивающих издание. Мы планируем передать сборник в издательство осенью. До этого необходимо будет еще перевести твою статью на украинский язык. Так что, если ты ее вышлешь нам в конце мая, времени будет достаточно. Думаю, что тебе следовало бы подготовить специальную заметочку для “Философской и социологической мысли” в связи с публикацией в журнале рекомендации Э. Гуссерля. Кстати, это не исключает и обнародования ее в твоей статье, которую ты готовишь для нашего сборника. – Был бы очень рад пообщаться с тобой и обсудить более фундаментальный план сотрудничества во время твоего пребывания в Киеве. Кстати, не исключено, что и твои личные дела благополучно разрешатся именно в Киеве. Ведь симпатичные хохлушки – это, наверное, самая доходная статья экспорта независимой Украины. Не только я, но и такой, как ты справедливо отметил, дока по этой части, как Юрий Дмитриевич, готовы споспешествовать тебе в этом. Так что ждем тебя в Киеве! До встречи!» (1.04.92).

Свою поездку 1992 г. и несколько встреч с Виленом Сергеевичем помню прекрасно. На этот раз он встретил

меня вместе с главным редактором журнала «Философская и социологическая мысль» Ю. Д. Прилюком в аэропорту и хотел поселить в какой-то хорошей гостинице. Но у меня в Киеве были приятели, у которых я обычно и останавливался. Станным образом, нет у меня ни одной фотографии Вилена Сергеевича. Зато от этой поездки сохранилось фото Юры Прилюка, с которым мы быстро сдружились и намечали различные планы коммерческого сотрудничества. Одно из предложений Юры состояло в финансировании украинского издания сочинений Чижевского. Для меня это предложение было на грани абсурда, и я сразу же ответил на него отказом. Дело не в том, что научные издания не могут иметь коммерческого смысла, а в том, что в своей деятельности я четко разграничиваю сферы духовности и бизнеса. Кроме того, по моим представлениям, страна, в которой Чижевский родился, должна бы не только им гордиться, но и не забывать о своем огромном долге перед ним и, во всяком случае, найти средства для сохранения и освоения его наследия сама. В этот свой приезд я привез в Киев все материалы, которые мне в течение нескольких лет удалось собрать в галльском архиве Д. И. Чижевского, и безвозмездно отдал их для использования в украинском издании его философских трудов. Но ведь на это был затрачен немалый и мой труд. И вместо какой-то формы признания я должен был за него еще заплатить?.. К сожалению, Юра не открыл мне подлинных причин своей просьбы, о которых я узнал только после его смерти.

Вилен Сергеевич в этих переговорах участия не принимал, но свое мнение о них я от него не скрывал. Перед отъездом отдал ему свою статью «Дмитрий Чижевский в Германии (из архивов Галле)», которую дорабаты-

вал уже в Киеве, в двух вариантах: журнальном и для упоминавшегося в одном из его писем сборника. Статья вышла в декабрьском номере «Философской и социологической мысли» за 1992 г. и была моей последней публикацией 1990-х годов. 18 декабря Вилен Сергеевич послал мне поздравление с Рождеством и Новым годом, примечательное тем, что отправлено оно было с кафедры философии (впоследствии кафедры философии и религиоведения) Университета «Киево-Могилянская академия», основателем и заведующим которой он тогда стал.

В 1993 г. Вилен Сергеевич хотел познакомить меня с украинистом, исследователем творчества П. Д. Юркевича, доктором Роландом Пичем из Штутгарта, предполагавшим заняться освоением гейдельбергского архива Д. И. Чижевского в рамках какого-то немецко-украинского проекта. Я с господином Пичем созвонился, но до совместного проекта у нас дело не дошло. В предновогоднем письме от 18 декабря 1993 г. Вилен Сергеевич пригласил меня принять участие в проводимых Киево-Могилянской академией Чтениях памяти П. Д. Юркевича и в конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д. И. Чижевского в феврале и в марте 1994 года. Принять этих приглашений я не смог, будучи занят делами своей фирмы. Судя по сохранившимся у меня архивным материалам, наша переписка прервалась затем до 1997 года. Это отнюдь не значит, что мы в это время не общались. Но общение наше ограничивалось только телефонными звонками, а с мая 1997 г. — различными передачами через Ирину Валявко, обратившуюся ко мне, по совету В. С. Горского, с рядом вопросов о галльском архиве Д. И. Чижевского. Главным результатом сотруд-

ничества с Ириной Валявко является вышедший недавно в Москве сборник «Д. И. Чижевский. Материалы к биографии (1894–1977)», в котором подведен итог нашей многолетней работы над архивами Д. И. Чижевского.

Закончить эти заметки мне хотелось бы, процитировав сохранившиеся в моем архиве копии двух моих последних писем В. С. Горскому и его ответ. Делаю это не ради саморекламы и не потому, что и сегодня согласен с каждой мыслью собственных писем более чем десятилетней давности (за многие из них сейчас просто стыдно!), а потому, что любой сегодняшний их пересказ только бы исказил суть дела.

Галле, 11.08.97

Дорогой Вилен Сергеевич!

После нашего телефонного разговора на прошлой неделе решил написать Вам это письмо. Дело в том, что вот уже несколько месяцев обдумываю план возвращения к своей профессии. Сама эта мысль, собственно, никогда меня не покидала, но, видимо, наступил какой-то критический момент: либо это в ближайшее время получится, либо этого не случится никогда.

Уходя в 91–92 гг. в бизнес, тешил себя надеждой, что философией можно будет заниматься в качестве хобби, что, будучи независимым материально, можно будет какое-то время посвящать занятиям «для души». К сожалению, все это – иллюзии. Если бизнес и занимает не все свободное время, то никаких душевных сил на интеллектуальные занятия не оставляет. Впрочем, и «бизнесом» мои занятия последних двух лет не назовешь. Просто метания какие-то, попытки

найти хоть какое-то место в нашем германском раю. «Какое-то» я, конечно, нашел (грех жаловаться владельцу трех магазинов в центре города – многим живет гораздо хуже), но место это – не мое.

Не думаю, что годы эти были выброшены из жизни. Повидать пришлось столько, что в пору романы писать или воспоминания. Да возраст еще не тот и жена молодая вряд ли поймет...

Но – шутки в сторону. Опыт участника и свидетеля Истории в любом случае не помешает. Но чем я могу похвастаться в философии? Мои бывшие однокашники уже преподают и в Сорбонне, да и здесь в Германии. А я ведь просто сдался. За последние пять лет был только на двух конференциях, не написал ни одной работы, растерял все научные связи и в Германии, и в бывшем Союзе. Не уверен, смог бы я сейчас за короткий срок подготовить лекцию или доклад. Наглости-то, конечно, хватило бы, но каков был бы результат?..

А вернуться очень хочется.

Как-то М. А. Киссель дал шутливое определение философа как чудака, который месяцами отсиживает одно место за чтением книг и при этом еще получает невероятное наслаждение... Сейчас мне очень бы хотелось стать этим чудаком, и знаю, чем заняться, и как проект составить, но не могу найти инстанцию, которая бы мне за это «наслаждение» еще и деньги платила.

Как-то поинтересовавшись судьбой своих бывших коллег, с удивлением узнал, что почти все они сумели пристроиться к какой-то государственной или частной «кормушке»: это или спонсоры типа «Фольксвагена», или городские средства, или целевые стипендии на определенные проекты. Но люди-то живут и нор-

мально работают или, по крайней мере, делают вид: нам ли учиться у западных немцев «отчитываться» о проделанной работе?! Да мы только этим и занимались при социализме. Система распределения, система преподавания в университетах здесь очень даже коммунистическая: главное – дорваться к какой-нибудь «кормушке»: получить должность, ассигнования на свой проект – результат же (ходят ли к вам студенты на лекции, вышла ли у вас книга или статья) никого не интересует. А оплачивают, в конечном счете, все это – налогоплательщики, т. е. такие чудаки, как я.

Не зависть меня гложет, а желание вновь заняться любимым делом и реальная возможность получать за это нормальные деньги. Если я смог себя заставить заниматься не своим делом, да еще и успешно, то что же мешает мне достичь успеха в деле любимом, где я был каким ни на есть профессионалом?

Почему бы не вернуться к тому, чем закончил заниматься пять-шесть лет назад? Архивы Германии ломаются от материалов по славянской философии. Пока не издано собрание Чижевского, можно и в нем поучаствовать (если, конечно, за это не будут опять требовать с меня денег), тем более что наиболее важные материалы Чижевского лежат у меня дома. Пожалуйста, не думайте, что Чижевский – самоцель. Он и самобытный мыслитель, и оригинальный человек, но самое главное – очень высокий уровень его работ, до которого приходится просто тянуться (как когда-то за Гадамером) и еще – у него даже в работах, написанных наспех, ради заработка, – нет халтуры. Гадамер его знал лично, архив под боком, есть интерес на Украине, в Америке, в Чехии, в Гейдельберге. Почему бы не начать с этого?

Наверное, утомил я Вас своими причитаниями и риторическими вопросами. Дорогой мой Вилен Сергеевич, я больше сам себя убеждаю, чем Вас. Вы даже представить себе не можете, что такое пять лет без единой строчки даже для себя! Ведь окружающие нас люди, а это – большинство, живут не то что без философии, но и без самосознания, без всяких там рефлексий и т. п., и прекрасно живут. И я так жил, и вся моя «философия» сводилась к нескольким максима́м о том, что «хорошо», а что «плохо», что «можно», а чего «нельзя». Может быть, в такой жизни больше счастливых людей, но я своего счастья в ней не нашел.

Я написал Вам это письмо не из меркантильных соображений возможного знакомства с Вашей помощью с господином Пичем. Просто знаю, что Вы все эти годы обо мне не забывали и всячески старались поддержать и вновь приобщить меня к философской жизни. По крайней мере, все мои последние публикации без Вашей помощи бы не состоялись. Даст Бог, когда-нибудь и я смогу Вас отблагодарить. Но пока мне надо войти в форму, разобраться в этой системе и постараться занять в ней свое место. А в качестве начала попытаюсь закончить описание архива Чижевского в Галле и сделать пару статей о нем на немецком.

С Ириной Валявко уже связался, я думаю, она сможет меня ввести в уже вышедшую литературу о Чижевском и его, а также проинформировать о подготовке его сочинений.

Резюме: работать начал, открыт к любым предложениям сотрудничества. Материальная сторона – не интересует.

На сегодня – прощаюсь.

Глубоко уважающий Вас

В. Янцен.

Галле, 9.09.98

Дорогой Вилен Сергеевич!

Давненько ничего от Вас не слышал и не получал. Надеюсь, что все у Вас в порядке, прежде всего со здоровьем, а также в научной работе. О материальной стороне дела не говорю, к сожалению, демократия ударила по карману не только Россию, но и Украину. Хочется лишь надеяться, что украинская философия выдержит и этот удар.

Какими-то путями (скорее всего, через Ирину Валявко) до меня дошел Ваш учебник по истории украинской философии, который я с удовольствием и пользой для собственной работы прочел. Должен сказать, что с тех пор, как женился на украинке, с удовольствием читаю на этом языке и художественную литературу, и научную и – как это ни странно – почти все понимаю. Причина, конечно, не в жене, а в том, что в архивах Чижевского много корреспонденции на этом языке и надо знать хотя бы основную лексику, чтобы понимать ее.

За прошедший после моего последнего письма год мне не удалось вернуться в науку через «парадный подъезд». Ситуация с рабочими местами для людей с высшим образованием, да еще с таким большим перерывом в работе – не из лучших. В этих своих попытках «вернуться» я кое-что понял и применяю теперь тактику «обходного маневра»: главное ведь решиться на возврат внутренне и внутренне же убедиться, что тяга к науке или «научная форма» не утрачены окончательно. «Форму» набрал довольно быстро: да и не удивительно – общаясь с «универсалом» Чижевским в святая святых его архивов, приходится много читать и его, и другую литературу. Суть «обходного маневра» заключается в том, что надо написать несколько дав-

но созревших книг. Без хороших публикаций я – никто. Диссертация и архивные статьи о Чижевском – не в счет. Хотя Чижевский и не самоцель, но уровень он задает очень высокий, не ниже гадамеровского, а по универсальности – и шире, и глубже. Они (Гадамер и Чижевский), кстати, были знакомы с начала 20-х годов, и Гадамер был инициатором переезда Чижевского из США в Гейдельберг. (С 98-летним Гадамером я виделся этим летом и имел часовую беседу. В общении – прост, очень симпатизирует славянам, но физически уже слаб, хотя духовно – вполне на высоте.)

Архивы Чижевского пока так и не обработаны, и, видимо, в ближайшее время их никто обрабатывать не собирается. Мне из Германии получить какой-либо грант по этой теме гораздо сложнее, чем, скажем, русским или украинцам.

Но делать что-то надо. Мы с Ириной решили издать сборник воспоминаний о Чижевском. Решение пришло как-то спонтанно. Если Вы помните, у меня уже были какие-то наработки, но главным побудительным мотивом было то, что полная обработка материалов архива без наличия каталогов и ввиду их обширности сегодня была бы иллюзией, но, в свою очередь, без мемуарных материалов многое в этих архивах останется непонятным. Тем более, что даже самым младшим ученикам Чижевского сегодня – за 60, а галльским – за 80. Так что работа эта не терпит отлагательства. В процессе работы в архивах идея сборника расширилась. Были обнаружены не только новые автобиографии, но и воспоминания самого Чижевского: 1) о его киевском периоде и деятельности меньшевиков в 1919–1920 гг.; 2) «Пражские воспоминания» – о Пражском лингвистическом кружке; 3) «Как я нашел рукописи Коменского» – о галльском периоде. Все это ново и не-

известно, «Киевские воспоминания» вообще нигде не публиковались, остальное – только по-немецки. Центральной частью сборника все же останутся воспоминания о Чижевском его друзей, учеников и коллег. Завершающая часть: полный перечень его лекций и семинаров за всю его научную и педагогическую деятельность и полная библиография. Так что сборник будет иметь название «Материалы к биографии Д. И. Чижевского». Цель его – опять напомнить о Чижевском и о том, что пора издавать избранное, а также поставить заслон поверхностным биографическим публикациям. Если удастся все это осуществить в таком объеме, как задумано, то это издание могло бы иметь основополагающее значение для всей последующей «чижевскианы». Кроме Чижевского, нашли массу писем к нему других корреспондентов: Пастернака, Степуна, Флоровского, Лосского, Бердяева, Франка, Ильина, Якобсона, немецких и украинских деятелей культуры. Сожалеть приходится не об отсутствии, а об обширности материалов архивов Чижевского и невозможности их скорой публикации.

Если Вас какая-то тема заинтересовала и Вы видите возможность быстрой публикации какой-нибудь отдельной темы или сюжета, я бы мог теперь действительно быстро сделать для украинских изданий хорошую статью. Откликнитесь. Был бы заинтересован также в каких-либо серьезных студенческих или аспирантских работах по отдельным сюжетам у Чижевского, например, о его работах о Достоевском (всего – более 30-ти). Накануне Нового года собираюсь быть в Черкассах и хотел бы повидаться с Вами.

Пишите. Жду.

Ваш В. Янцен.

[29.10.98]

Дорогой Володя!

Рад был получить твое письмо, убедительно свидетельствующее твою верность Д. Чижевскому и нерастраченный творческий потенциал. Если учесть все сложности нашего нынешнего бытия – этот факт сам по себе значителен и достоин всяческих похвал.

Конечно, очень хотелось бы повидаться и поговорить. Верю, что такая встреча обязательно состоится во время твоей поездки в Черкассы, а посему письмо мое – лишь пропедевтика к грядущей встрече.

Ваш план (с Ириной Валявко) публикации сборника воспоминаний о Д. Чижевском – действительно очень интересен, и на Украине он (этот сборник) был бы встречен с энтузиазмом. Правда, не знаю, насколько он сможет помочь тебе в Германии на пути в академические сферы, которые, по-моему, в своем большинстве мало что знают о Дм. Чижевском.

Я говорил в издательстве, которое существует при нашем университете, и там с интересом отнеслись к идее публикации такого сборника. Правда, к сожалению, этот интерес не подкреплён соответствующими материальными возможностями. Однако они готовы взять на себя поиск спонсора, который мог бы финансировать издание такой книги.

Если это не противоречит твоим интересам, подготовь на 1–2 странички проспект планируемого сборника и либо пришли, либо возьми его с собой во время поездки на Украину.

Относительно твоей статьи с возможной публикацией каких-либо извлечений из архива Дм. Чижевского могу предложить такой вариант – не позднее конца декабря мы должны завершить формирование оче-

редного тома «Научных записок» Киево-Могилянской академии. Я туда с удовольствием включил бы твою публикацию объемом до 1 печатного листа. Но она должна быть у меня не позднее середины декабря (если она – на русском языке и требует перевода) или в конце месяца, если с помощью твоей супруги ты сможешь ее подготовить на украинском языке.

У меня дела в общем-то – соответствующие возрасту (это – к вопросу о здоровье) и общей ситуации (это – касательно работы).

Успокаивает лишь то, что философия всегда развивается «вопреки». На этом и стоим.

Пиши, приезжай.

До встречи. В. Горский.

Перечитывая сегодня письма Вилена Сергеевича, вижу: не случайно мы встретились. Жизнь не раз и не два разводила нас, казалось бы, в совершенно разные миры, между которыми не было и не могло быть ни малейших точек соприкосновения. Духовно это всегда ощущалось как жизнь не только в разном пространстве, но и в разном времени. Все, буквально все, любая ценность может с сегодня на завтра превратиться в «пыль», если мы полагаемся только на разум, забывая о душе. Но с удивительным постоянством точки соприкосновения все же находились и – что уже почти на грани чуда – находились всегда на темах «несвоевременных». Понимаю, что без огромного и совершенно незаслуженного мной кредита доверия со стороны Вилена Сергеевича это было бы невозможно. И Гадамер, и Чижевский уже принадлежат истории и будут играть важную роль для современных фило-

софов и будущих поколений бескорыстных искателей истины. Поэтому хочется от души пожелать им всем, чтобы на этом нелегком пути им побольше встречалось таких людей, каким в моей жизни был и остается Вилен Сергеевич Горский.

Да будет земля ему пухом!

Галле, 22 июня 2009 г.